

— Ты заключил торговое соглашение с королём Фичем и не боишься, что он пошлёт войска на Логен? — тихо спросил Стивен, глядя на человека, вышедшего из дворца, где ещё витал запах крови.

Война разразилась стремительно. Не только королевская семья была вырезана — весь Дазак разительно отличался от той весёлой картины, что они видели три месяца назад. На улицах всё ещё виднелись следы крови, до конца не смытые.

Сколько жизней было погублено — всё произошло гораздо стремительнее и неотвратимее, чем беспорядки в Логене.

Стивен мало смыслил в политике и войнах, но он отдавал себе отчёт, что ещё во время той церемонии этот город и всё королевство, похоже, оказались под чьим-то пристальным наблюдением и на прицеле.

А в ходе этого наблюдения Дазак явил столько прорех, что оказался совершенно беззащитен.

Но королевский род истреблён, Логен — соседний город, расположенный на виду, и его положение теперь казалось двусмысленным. Заключение торгового соглашения вовсе не означало, что король Фич отказался от своих притязаний.

— Не волнуйся, он не станет действовать сгоряча, — улыбнулся Сюй Юань, принимая из его рук поводья и вскакивая на коня. — Королевство Сола граничит с тремя государствами. Долгая война поставит его между двух огней.

Захватить Логен — отнюдь не простое дело. Даже если король Фич точит на него зуб, ему приходится считаться с угрозой со стороны соседей. Разве что он сможет поглотить те три государства или же завершит кампанию так же быстро, как в Дазаке, — иначе он сам понесёт тяжёлые потери.

— Но как только он нарастит силу или Логен ослабеет... — Стивен натянул поводья, размышляя вслух.

— Тогда Логен окажется в большой опасности, — улыбнулся Сюй Юань.

— Ты не думаешь устранить эту опасность? — Стивен полагал, что если бы кто-то постоянно посягал на его имущество и жизнь, он бы и ночью не сомкнул глаз.

— Пока он существует, опасность будет существовать всегда. — Сюй Юань слегка прищипил коня. — Даже если устранить внешние угрозы, слишком большая безмятежность может погубить его изнутри.

Стивен задумался и нашёл его слова разумными:

— Звучит как головная боль.

Кажется, людские распри никогда не угаснут с самого рождения человечества.

— Поедим чего-нибудь или сразу вернёмся? — спросил Сюй Юань с улыбкой.

— Закупим провизию и уедем отсюда. — Стивен изначально планировал переночевать, но раз Брэнд отважился войти в этот дворец, кишаций солдатами, он чувствовал себя беспокойно.

Как бы силен ни был один человек, против войска он бессилен. Он не позволит себе постоянно подвергаться такой опасности.

— Хорошо, — согласился Сюй Юань. — Между Дазакком и Логеном есть ещё тайники?

Стивен усмехнулся:

— Есть.

За три месяца путешествия они, кроме одной поездки домой, успели побывать почти во всех его скронах.

Жаль только, что, как он ни прятал, люди умудрялись забираться на отвесные скалы и в глухие дебри, унося его золото.

Впрочем, и он сам то и дело натывался на чужую удачу.

В пути было мало происшествий, а те, что случались, они легко преодолевали вдвоём.

Их мир вдвоём — всё было даже лучше, чем он представлял, за исключением разве что еды, которая не отличалась изысканностью.

Спустилась ночь. Костер освещал небольшое пространство. Лошади, привязанные поодаль, мирно щипали траву, изредка фыркая. Купленные лепёшки и пойманная в реке рыба жарились на костре, приправленные травами, и понемногу распространяли вокруг аппетитный запах.

Стивен прислонился к плечу сидящего рядом человека, пересчитывая золотые монеты, которые он выкопал из речного ила, и, подняв глаза, вздохнул:

— Завтра можно будет вернуться.

— Чего-то не хватает? — спросил Сюй Юань, наблюдая, как он затягивает кошель.

— Нет, — улыбнулся Стивен, вешая его на пояс.

— Хочешь домой? — Сюй Юань слегка наклонился, переворачивая еду у костра.

Стивен, глядя на пляшущее пламя и его фигуру, усмехнулся:

— Хочу.

Хоть идвоём им было хорошо, но и дома они тоже проводили вместе много времени.

Раньше он редко тосковал о каком-то месте — разве что в Танзане у него были знакомые, — но теперь он почувствовал, что скучает по Логену, когда-то чужому для него городу.

Он скучал по ленивому коту, по Фубиню — усердному, не любившему приключений, но обожавшему фантастические истории, по этим малышам, и ему было интересно, как растут посевы на полях.

Казалось, у его сердца появился дом.

— Тогда, когда вернёмся, поживём немного дома, а потом отправимся в море, — улыбнулся Сюй Юань, протягивая ему поджаренную рыбку.

Стивен смотрел на его фигуру, освещённую огнём, взял протянутую руку, приблизился и поцеловал эти вечно улыбающиеся губы. Этот человек был началом всей его привязанности.

Их поцелуи уже давно стали привычными, но всё равно легко заставляли сердце биться быстрее.

Когда они отстранились, золотистые глаза Сюй Юаня, казалось, вобрали в себя ночной мрак, отчего по всему телу пробежала дрожь.

— Твоя рыбка остыла, — заметил Сюй Юань, глядя на остывшую в руке рыбу и отводя взгляд от возбуждённых глаз юноши.

— Ничего, главное, что готова, — сказал Стивен, подавив волнение, взял заострённую палочку и откусил кусок. Но взгляд его всё ещё был устремлён на человека рядом, и он с некоторой досадой добавил: — Когда вернёмся, я хочу три дня.

Была у него ещё одна причина хотеть домой: в походе заниматься любовью было крайне

неудобно — ни помыться, ни прибраться, да ещё и дикая природа. Даже если есть порошки от змей и насекомых, никто не даст гарантии, что хищный зверь не нагрянет на огонёк.

Раньше он не так сильно этого желал, но после близости, когда видишь, но не можешь взять, — чем он отличается от осла с морковкой перед носом?!

Сюй Юань на мгновение опешил, посмотрел на расстроенного юношу и рассмеялся. Встретив его предостерегающий взгляд, он протянул руку:

— Иди сюда, я тебя обниму.

Стивен на секунду замер, в свете костра почувствовав, как щёки заливают жаром, но всё же снял с пояса меч и уселся к нему на колени.

Ночь, хоть и близкая к лету, была не холодной, а даже какой-то томной, но от прикосновения тел по телу разлилось блаженное тепло.

— Когда поедим, я помогу тебе, — сказал Сюй Юань, обхватив его за талию, и голос его, колеблемый ночным ветром, звучал буднично, словно речь шла о чём-то обычном.

Но Стивен, осознав смысл этих слов, резко взглянул на него. Сердце его забилось быстрее, а щёки вспыхнули:

— Дорогой мистер Брэнд, мы в поле.

— Я попрошу одну из собак постеречь нас. Ничего не случится, — мягко сказал Сюй Юань.

Стивен смотрел на него, чувствуя, как внутри всё бурлит, но понимал, что не может отказаться от этого предложения:

— Не так уж это и срочно.

— Терпеть постоянно вредно для здоровья, — улыбнулся Сюй Юань, глядя на упрямого юношу.

— Честно, — сказал Стивен. Он верил, что это отчасти правда, но далеко не вся.

Сюй Юань усмехнулся:

— Три дня — слишком долго. Боюсь, я не выдержу.

Стивен опешил. Жар в груди и на лице мгновенно вспыхнул. Он с трудом сдержал желание скрипнуть зубами, опустил голову и рассмеялся, готовый прибить того самого нахала, который когда-то обещал в постели взять его на несколько дней и ночей. Он попытался встать, но Сюй Юань крепче прижал его к себе, и тёплое дыхание коснулось уха. От его следующего шёпота по всему телу пробежала дрожь.

— Твоё предложение слишком заманчиво. Мне хочется прикоснуться к тебе прямо сейчас, — прошептал Сюй Юань, глядя на его дрогнувший кадык. — Только один раз, хорошо?

Заняться этим прямо под открытым небом, возможно, и захватывающе, но слишком много переменных. Для того, кто принимает, это чревато травмами и простудой. Он изначально не собирался его трогать, но теперь ему действительно этого хотелось.

Юноша у него на коленях тяжело дышал, щёки его в свете костра покрылись едва заметным румянцем. Зелёные глаза блеснули влагой, и он едва слышно прошептал:

— М-м... С тобой не поспоришь.

— Вот именно, — усмехнулся Сюй Юань и привлёк его к себе.

...

Логен и Дазак заключили торговое соглашение, и тревога жителей по поводу возможного нападения королевства Сола поутихла. Хотя некоторые по-прежнему высказывали опасения по поводу столь сильного соседа, после подписания договора между сторонами долгие годы не возникало никаких конфликтов.

Логен, укрытый в стороне от больших дорог, процветал в торговле, оставаясь мирным и оживлённым.

На четвёртый год после того, как король Сола захватил Дазак, Байрон покинул ферму.

С собой он увёз десять золотых монет — обычный дар для каждого, кто покидал приют, — меч, подаренный его учителем фехтования, и его наставление. Верхов на коне, один, он отправился в собственный путь.

— Что бы ни случилось, твоя собственная жизнь — вот что важнее всего, — напутствовал его учитель, обычно беспечный, но на прощание сказавший это со всей серьёзностью.

Мистер Брэнд не дал ему напутственных слов, но, как и в детстве, похлопал по плечу и мягко произнёс:

— Будь осторожен в дороге.

Золотые глаза всё такие же нежные, огненные волосы всё такие же яркие. Два одинаково мягких человека стояли рядом — прекрасное сочетание.

Пусть они расставались, но Байрон понял, что его всегда любили.

— Я смогу ещё вернуться и повидать вас?

— Конечно.

Золотоволосый юноша пустил коня вскачь, топот копыт удалялся, он был полон сил и надежд.

— Прямо как родители провожают, — усмехнулся Стивен, глядя на удаляющуюся фигуру.

— Труды матери нелегки, — обняв его за плечи, тихо сказал Сюй Юань. — С нашими детьми всё будет хорошо.

Стивен покосился на него, на их позу, и, чуть приподняв бровь, провёл пальцем по рукоятке меча. Он не знал, смеяться ему или сердиться:

— Мистер Брэнд, вы правда считаете, что мой меч просто так, для красоты?

— Хочешь правду или ложь? — с улыбкой спросил Сюй Юань.

Стивен глубоко вздохнул, пытаясь сдержать и зуд в зубах, и то, как сердце, даже спустя столько лет, всё ещё ёкало рядом с этим человеком. Схватив его за воротник, он заставил замолчать эти ужасно дразнящие губы.

Но эта шутка будто развеяла лёгкую грусть расставания.

...

На пятнадцатый год пребывания Сюй Юаня в Дазаке Мими похоронили в цветнике поместья. Кот был уже очень стар, последний год он почти не двигался и просто лежал, а весенней ночью навсегда уснул у камина, который всё ещё топили по вечерам.

В поместье были и другие коты — чёрно-белый, проворный и игривый, гораздо более живой, чем вечно дремлющий Мими, — но Стивен ни разу не взял его на руки.

На седьмой год пребывания Стивена в Дазаке из Танзана пришла весть о смерти старого Берта. Он съездил туда и, конечно, застал лишь опустевшую таверну да одинокий могильный камень.

Жизни уходили одна за другой. Хотя они по-прежнему каждый год отправлялись в море или в приключения, Брэнд почти перестал появляться в Логене.

Он выглядел всё таким же красивым и мягким, как прежде, но, казалось, краски вокруг него медленно менялись.

Те малыши выросли: кто-то ушёл странствовать, кто-то остался работать в магазине Брэнда. И в один миг те, кто ещё недавно бегал и прыгал, стали взрослыми, способными сами решать свои дела: обзаводиться семьёй, домом, детьми.

Даже маленькая Анни превратилась в красивую девушку с золотистыми волосами. Правда, она не открыла магазин, как мечтала в детстве, а помогала управлять фермой — и смотрела на детей там с мягкой улыбкой, которая иногда казалась Стивену почти невероятной.

Байрон время от времени возвращался. В нём уже не было той детской одержимости — он стал зрелым мужчиной, носил на себе шрамы, иногда выпивал и рассказывал о том, что видел в пути.

Он завоевал себе имя и в Логене, и в Истере, но при каждой новой встрече следы времени становились всё заметнее.

— Мистер Брэнд передал управление Логеном Хиллари, — принёс эту весть Байрон.

— Если бы он сейчас появился перед людьми, они бы испугались, — Стивен ничуть не удивился. — Хиллари способный и работающий мальчик.

Он тоже вырос в приюте, был мальчиком-гением. Когда Фубинь уже не справлялся с тяжёлой работой, Хиллари занял его место и справлялся блестяще. Раз Брэнд уступил ему место, значит, тот прошёл испытание.

— А вы боитесь? — осторожно спросил Байрон. Пальцы его сжались на кружке, голос был приглушён, он пытался сдержать чувства, но всё же выдохнул: — Если честно, я немного боюсь. Мы все в его жизни — лишь мимолётные тени.

Он вырос: когда-то он был моложе мистера Брэнда, теперь выглядел гораздо старше. Когда-то он говорил, что Стивен не будет победителем, но то была юношеская горячность. Он понимал: он тоже не станет победителем.

Он будет стареть и умирать, а мистер Брэнд навсегда останется в самом прекрасном возрасте.

Никто не сможет идти с ним вровень.

Даже его учитель, хотя всё ещё выглядел молодым, а черты лица и живость глаз почти не изменились с годами — напротив, прибавилось надёжности и внутренней зрелости, прежняя беззаботность никуда не делась, — однако в уголках глаз уже появились едва заметные морщинки — следы времени.

— Но мы оставляем следы в собственных жизнях, — вместо ответа Стивен посмотрел вдаль и произнёс: — Коротко, но главное — не жалеть.

Байрон взглянул на человека, сидевшего на фоне неба и ветра, глубоко вздохнул и сказал:

— Да.

На восемнадцатый год пребывания Стивена в поместье Логена Филипп уснул навеки на этой земле.

Он состарился. В ночь перед смертью Стивен просидел с ним до утра, но мог лишь смотреть, как пёс закрывает глаза и его тело постепенно остывает.

Когда Стивен поднялся, он почувствовал онемение в руках и ногах, перед глазами потемнело, и он долго не мог сориентироваться, пока знакомое тепло не поддержало его, и он услышал всё тот же мягкий голос:

— Ты в порядке?

Рука его была по-прежнему сильной, голос — юным. Время не оставляло на нём следов, словно обходило его стороной.

Но Стивен осознал: как бы он ни был осторожен, он уже не молод. Они словно брели по разным рекам времени — встретились, но в конце концов расстанутся.

Это он знал и раньше.

— Брэнд, я хочу съездить в Танзан, — подняв голову после долгого молчания, сказал Стивен.

— Я поеду с тобой, — ответил Сюй Юань, глядя в его глаза, в которых затаилась печаль.

— Нет, я хочу пройти этот путь один, — улыбнулся Стивен, глядя в его нежные глаза.

Ему было страшно, потому что время — это то, что он не мог удержать, оно утекало сквозь

пальцы, унося жизни тех, кто был рядом, и его собственную.

За эти годы он много раз возвращался, но боялся, что больше не сможет.

— Я дам тебе в провожатые людей, — тихо произнёс Сюй Юань, глядя в его глаза, где смешались улыбка и грусть.

— Я хочу один, — Стивен сжал губы.

Он хотел сам отвезти душу Филиппа туда, а ещё — найти свой собственный путь назад. Если он не пройдёт этот путь, вся его оставшаяся жизнь пройдёт в страхе, и этот страх может перерасти в обиду на Брэнда.

Почему он не мог стареть вместе с ним? Почему он не мог остаться с ним навсегда?

Он понял наконец, что Брэнд имел в виду, когда говорил, что быть с ним — значит столкнуться с чем-то очень плохим.

Но даже зная ответ, сердце не желало слушаться.

Он оказался куда слабее, чем думал. Но обижаться на этого человека ему совсем не хотелось.

— Возьми с собой огниво, иначе я буду волноваться, — тихо сказал Сюй Юань.

Его возлюбленный снова оказался во власти душевного кризиса. Ему хотелось сказать: «Не бойся», — но люди всегда боятся жизни и смерти, боятся конца собственного бытия.

Но законы главного мира не позволяли ему изменить его жизнь; он мог лишь сделать всё, чтобы эта жизнь не оборвалась раньше времени от боли.

Стивен чуть шевельнул пальцами, встретил взгляд этих нежных глаз и прижался к нему. Когда его обняли, он прошептал:

— Прости... Я хочу побыть один.

Чем больше он погружался в мягкость этого человека, тем труднее было расстаться, а чем труднее расстаться, тем сильнее становился страх.

Но так не должно продолжаться — иначе всё будет плохо.

— Хорошо. Я буду ждать тебя, — Сюй Юань мягко коснулся его волос.

— М-м, — отозвался Стивен и в осеннее утро сел на крепкую лошадь, захватив свой меч, сумку, прах Филиппа и огниво, и, взмахнув рукой на прощание, покинул поместье и любимого человека.

Здоровье позволяло ему ещё держаться в седле, но он уже не мог, как в юности, скакать долгие дни без отдыха и сражаться. Однако огниво оберегало его, и, хоть путь был долог, он без происшествий добрался до старого Танзана.

Здесь старый король уже давно покоился в вечном сне. Старший сын графа Алейна правил страной вместе с принцессой. По-прежнему шумный город лишился множества знакомых лиц, и даже привычные места стали чужими.

Таверна старого Берта когда-то превратилась в ткацкую лавку. Оружейная мастерская Мортонна ещё держалась, но когда Стивен долго стучал в дверь, ему открыл иссохший старик. Щурясь, он долго всматривался в гостя и наконец радостно воскликнул:

— О, Стивен! Сколько лет, сколько зим!

Он больше не хмурился и не ворчал при встрече, как прежде, а, напротив, был полон такого радушия, словно давно искал собеседника. Ему хотелось рассказать всё, что произошло в Танзане за эти годы.

— Вы с мистером Брэндом всё ещё вместе? Почему ты вернулся один? Ты выглядишь так же красиво, как тридцать лет назад. Господи, какая несправедливость — я уже совсем старый.

— Я тоже постепенно старею, — улыбнулся Стивен.

— Но это случится ещё очень не скоро. По крайней мере, ты ещё можешь ездить верхом, — усмехнулся Мортон.

Годы смягчили даже его крутой нрав.

— Уже почти не могу, — вздохнул Стивен.

— О, и ты заговорил такими мрачными речами? Это не похоже на того Стивена, которого я знал, — хлопнул его по плечу Мортон. — Держись, старина!

— Хорошо, — усмехнулся Стивен. — Просто Танзан сильно изменился. Многих уже нет.

— Эх... это нормально, — зажигая свечу, старик медленно поднялся, опираясь на стул. — Хочешь выпить? Надолго ты к нам?

— На несколько дней, потом вернусь, — сказал Стивен, вставая, чтобы достать кувшин из шкафа. Он откупорил его и подвинул к старику.

— Значит, у вас с Брэндом по-прежнему всё хорошо, — Мортон сел обратно и вздохнул. — Хорошо, когда есть кого ждать. Люди могут быть вместе лишь так мало, упустишь момент — и останется только плакать у могилы. Мы провожаем других, и другие провожают нас. Придёт день, и ты проводишь и меня.

Говоря о других, он вздыхал, но о себе — как будто ему было всё равно.

— Когда будешь провожать меня, обязательно улыбайся. Я дожил до такого возраста — и уже доволен.

Стивен откупорил свой кувшин, чокнулся с ним и с улыбкой сказал:

— Хорошо. А что ты чувствовал, когда провожал других?

— О, грусть. Это неизбежно. — Мортон вытер пролитое пиво с бороды. — Но я бы не хотел, чтобы вы все ревели на моих похоронах.

— Ты всё такой же вредный, — усмехнулся Стивен, сделав глоток.

— Потому что когда-нибудь мы встретимся снова. Если думать так, уже не так грустно. — Мортон пожал плечами и засмеялся, но в следующую секунду как будто передумал: — Ты редко возвращаешься, не стоило мне начинать такой разговор. Как у тебя с кузнечным делом?

— Гораздо лучше, чем у тебя в своё время, — усмехнулся Стивен, вскинув бровь. — Я достиг совершенства.

— Ох уж этот несносный хвастун, — рассмеялся Мортон.

— Брэнд тоже сказал, что я сделал успехи... фраза, кажется, такая: «Ученик превзошёл учителя», — припомнил Стивен.

— Тоже, видать, скромностью не отличается, — с ностальгией произнёс Мортон. — Впрочем, когда-то граф Брэнд ковал у меня оружие, и это принесло мне много заказов. Как он поживает?

— Всё хорошо. У него большое дело, он спас много детей. — Стивен оперся щекой на ладонь и улыбнулся. — Я передал и твоё кузнечное мастерство, и кое-что из фехтования тем, кому это было интересно. Твоё дело не пропадёт.

Он замолчал, ожидая ответа, но его не последовало. Стивен поднял глаза: Мортон сидел неподвижно, сжимая в руке кружку. Только свеча горела ровно.

Тишина.

— Мортон... — тихо позвал Стивен.

Тот не ответил. Свеча не дрогнула. Лишь кружка выпала из ослабшей руки и покатилась по полу, расплёскивая пиво. Но старик не проснулся.

<http://bllate.org/book/18299/1946699>